

На следующий день новобранцам приказали привести в порядок припасы, а через два дня выступить и занять город Суму. Едва прозвучал военный приказ, как весь лагерь закипел, словно котел с кипятком. Му Юньцин вместе с воинами из трех других отрядов принялся за укладку продовольствия и самого необходимого — хлопот было невпроворот.

Му Юньцин как раз укладывала на телегу связанные в охапки травы для боевых коней. Стоило закончить эту партию, и новобранцы Армии Динбэй могли бы выступать. Она полагала, что юноша, с которым она сражалась пару дней назад, снова явится донимать ее, но он не появлялся все два дня.

Армия выступила в поход. Город Суму располагался у подножия снежных гор Куду, в двух с лишнимстах ли от лагеря новобранцев. Войско маршировало почти три дня и наконец добралось до города Суму. Разбили лагерь, навели порядок в снаряжении, и всего за два дня армейская жизнь вернулась к прежнему укладу. Для гарнизонной службы в городе Суму Армия Динбэй выделила еще два отряда легкой кавалерии. Вместе с тысячью новобранцев общее число защитников города Суму достигло двенадцати тысяч человек — это был самый крупный гарнизон на всей линии Северных Земель.

На третий день пребывания в городе Суму Чжун Цзянли разыскал Му Юньцин.

Му Юньцин отступила на два шага, опустилась на одно колено и, сжав руки в кулаки, поприветствовала командира.

— Вижу молодого генерала.

— Так быстро догадался, кто я! — Чжун Цзянли заложил руки за спину. — Ну-ка, ступай обратно в палатку, снимай доспехи и отправляйся со мной в город.

За воротами военного лагеря Чжун Цзянли и Му Юньцин шли друг за другом. Чжун Цзянли скосил глаза на Му Юньцин, которая неизменно отставала от него на шаг, и произнес:

— Шаг вперед, иди со мной плечом к плечу. А в те дни ты ведь держался весьма браво, чего же за последние два дня раскис?

Му Юньцин с холодным лицом ответил:

— Отвечая молодому генералу: в те дни мелкий служащий проявил дерзость, и я прошу молодого генерала простить меня за прегрешение.

Услышав его странный тон, Чжун Цзянли невольно обернулся и посмотрел на Му Юньцин. Та чуть не врезалась ему в грудь и невольно нахмурилась.

— Что ты за человек такой, прямо как девица — нрав переменчивый, то солнце, то дождь. Нельзя ли с со мной нормально разговаривать? — Чжун Цзянли слегка рассердился.

Видя, что Му Юньцин больше не произносит ни слова, Чжун Цзянли повернулся и зашагал

дальше, только шаги стали гораздо быстрее, а Му Юньцин старалась не отставать от него. Улицы постепенно оживали. Шаги Чжун Цзянли тоже замедлились.

— Знаешь, зачем я привел тебя в город? — с холодным выражением лица спросил Чжун Цзянли.

— Мелкий служащий не знает, — растерянно ответила Му Юньцин.

— Ты ведь мастак наблюдать. Всмотрись-ка внимательно, чем отличаются здешние жители?

Обыватели на улице выглядели на редкость простодушно. На лицах зазывавших покупателей разносчиков и женщин, латавших одежду прямо у дорогих лавок, играли легкие улыбки, а окружающие прохожие провожали их обоих восхищенными взглядами. Чжун Цзянли замедлил шаг и привел Му Юньцин к воротам кузнечной мастерской. Несколько мужчин с обнаженными торсами изо всех сил колотили молотами по раскаленному железу, и на их загорелых телах виднелись шрамы от клинков — большие и малые, глубокие и поверхностные, они были на теле каждого.

Чжун Цзянли увлек Му Юньцин за собой и усадил за чайный столик рядом с кузницей.

— Я с детства рос на Северных Землях: где отец держал гарнизон, там и я находился. Я не виню тебя за то, что ты незнаком с жестокостью поля боя — в конце концов, тебе не довелось через это пройти. Я привел тебя сюда лишь для того, чтобы ты понял: как мужчина Дашэна, как воин Дашэна, какую ответственность ты несешь на своих плечах.

Му Юньцин молча смотрела на Чжун Цзянли, глядя на то, как этот казавшийся еще пару дней назад лучезарным солнцем юноша в этот момент стал серьезным и сосредоточенным.

— Видел шрамы на их телах? Они вовсе не воины, они — самые обычные жители Дашэна. Они чьи-то сыновья, мужья, отцы, они — истинные хозяева этой земли. Когда Армия Динбэй еще не стояла гарнизоном вдоль границ Севера, именно они при виде занесенных клинков расправляли грудь и поднимали яростное сопротивление. Мужчины в этом городе, за исключением младенцев, все до единого сходились в смертельной схватке с врагом.

А ты? — лицо Чжун Цзянли омрачилось. — Обладая таким искусным мастерством, взгляни на те усердно трудящихся у дороги женщин, взгляни на этих милых детей, взгляни на улыбки, сияющие на их лицах — разве все это не стоит того, чтобы ты защищал их? Даже эти простые люди готовы отдать жизнь ради их защиты, а ты собираешься и дальше прятаться по конюшням, прятаться за чужими спинами?

Му Юньцин пристально вглядывалась в проходящих мимо людей. Завидев их двоих, горожане неизменно одаривали их легкими улыбками. Му Юньцин повернула голову к Чжун Цзянли.

— Они преклоняются перед нами? — с некоторой неуверенностью спросила Му Юньцин.

— Не перед нами обоими, а перед Армией Динбэй. Преклоняются перед тем, что ты — воин. По ту сторону северных границ лежат земли Дунху и Тюркютов. Каждую осень они начинают повсюду чинить грабежи и набеги, чтобы обеспечить своим племенам сытную зимовку. Армия Динбэй каждый год расставляет гарнизоны по небольшим приграничным городкам Севера,

чтобы защищать их.

Му Юньцин долго хранила молчание, уставившись на собственную пиалу с чаем.

— Вернешься, собери свои вещи и отправляйся докладывать цяньвэй Гуну. Будешь моим личным телохранителем при палатке.

Му Юньцин подняла голову и удивленно посмотрела на Чжун Цзянли.

— Это военный приказ.

Одной этой фразой Чжун Цзянли пресек все возражения, которые Му Юньцин собиралась высказать.

— Шанло защищает Императорскую Столицу, там жизнь течет мирно и сытно, и я тебя не виню. Я также знаю, что ты чертовски умен и имеешь на то собственные причины, так что одними моими уговорами твоего мнения наверняка не изменить. Но когда ты вдоволь насмотришься на кровопролитие на поле боя и привыкнешь к будням, когда лезвие ножа пробуют на вкус каждый день, ты уже не сможешь так просто отмахиваться от лежащего на плечах долга.

Чжун Цзянли долго молчал, прежде чем вымолвить:

— Пойдем, возвращаемся в лагерь.

При несении гарнизонной службы в городе Суму Армия Динбэй ежедневно высылала два разведывательных отряда по сто человек в каждом. Один отряд патрулировал сто ли на восток в сторону Северного военного лагеря Дин, а второй — восемьдесят ли на запад, в сторону города Вуюань.

— Докладываю, молодой генерал! В сорока ли от города Суму обнаружена конница Дунху численностью около сотни всадников.

В глазах Чжун Цзянли мелькнула искорка азарта:

— Приказать цяньвэй Лю повести отряд новобранцев и один отряд кавалерии Армии Динбэй на перехват конницы Дунху. Защитить близлежащие деревни и селения от разграбления.

— Подчиненный понял приказ!

— Докладываю, молодой генерал! Над поселком Вэнгэн поднимается сигнальный дым тревоги.

— Цяньвэй Инь, возьми отряд новобранцев и отряд кавалерии Динбэй, выступаем на разведку вместе со мной, — в уголках губ Чжун Цзянли заиграла улыбка.

— Молодой генерал, мне хватит и собственных сил, вам нет нужды лично выезжать на место.

Чжун Цзянли отмахнулся, прерывая его на полуслове:

— Пустяки. На дворе лишь начало осени, Дунху пока проводят лишь разведку боем. Оставим Цяньвэй Вэя и Цяньвэй Лю на хозяйстве в Суму, а сами выведем новобранцев размять кости. Тот, кто не видал крови, истинным солдатом считаться не может.

— Слушаюсь, молодой генерал, отправляюсь собирать людей.

Цяньвэй Инь широким шагом вышел из палатки.

Чжун Цзянли взял свой меч и вышел наружу. Спустившись со ступенек, он словно о чем-то вспомнил и резко остановился. Чжун Цзянли обернулся и ткнул пальцем в Му Юньцин, стоявшую на карауле у палатки:

— Ты, отправляешься со мной.

Му Юньцин мысленно тяжело вздохнула:

— Мелкий служащий повинуетя.

Два кавалерийских отряда, насчитывавших тысячу всадников, неслись галопом по просторам темно-зеленой степи. Легкая кавалерия облачалась в кожаные доспехи: они не стесняли движений и весили немного, позволяя коням бежать быстрее, и лишь воинам в звании цяньвэй и выше полагалась кольчуга.

Вдали уже показалась конница Дунху численностью около двухсот человек, стремительно надвигавшаяся на поселок Вэнгэн. Чжун Цзянли помчался вперед всех, пустив коня вскачь. Следом за ним неслись прошедшие сотни боев бойцы легкой кавалерии Армии Динбэй, тогда как новобранцев отвели в арьергард.

Половина вражеских всадников уже успела ворваться в пределы Вэнгэна.

— Цяньвэй Инь, води людей с фланга в поселок, закройте дорогу варварам! — громко отдал приказ Чжун Цзянли, после чего с ходу врезался в ряды еще не успевших прорваться в селение воинов Дунху.

Остальные конники вошли в поселок с фланга, замыкая кольцо окружения изнутри наружу. Му Юньцин неотступно следовала за Чжун Цзянли: тот отбросил длинное копье, и всюду, где мелькал его длинный меч, воины Дунху спешили убираться с дороги.

При численном превосходстве в тысячу человек против двух сотен с лишним исход боя должен был стать сокрушительной победой, однако воины Дунху сражались с запредельной яростью, даже получив смертельную рану, пытаясь утащить врага за собой в могилу. Ветераны действовали куда хладнокровнее и опытнее, нанося в схватке удары наверняка, тогда как новобранцы впали в панику — один из них едва-едва увернулся от взмахнувшей перед его носом изогнутой сабли.

Му Юньцин на мгновение отвлеклась и чуть было не вылетела из седла от вражеского выпада, но успела поднять копьё для защиты. Сила удара воины Дунху превзошла все ее ожидания, так что ей пришлось использовать инерцию врага, чтобы кубарем скатиться на землю. Обернувшись, Му Юньцин легким движением поддела копьём всадника и сбросила его на землю, после чего несколько солдат бросились вперед и вступили с тем в схватку. Му Юньцин ринулась вглубь селения, разыскивая Чжун Цзянли, который уже пробился к самому эпицентру битвы. Ее длинное копьё кружилось волчком, выручая каждого растерявшегося новобранца. Чем дальше она углублялась в поселок, тем гуще становились ряды врагов: отставшая кавалерия застряла на подступах, а смыкавшие кольцо от центра к окраинам бойцы только-только выходили на позиции.

Заметив, как одного солдата сбили с ног двое наседавших противников и он уже не в силах отражать удары, рискуя в любую секунду расстаться с жизнью под клинками, Му Юньцин в два прыжка взлетела вперед. Не успев добежать, она метнула копьё, заблокировав две занесенные для удара сабли. Один из нападавших тут же переключился на Му Юньцин, а второй бросился следом. Парируя выпады обоих, Му Юньцин боковым зрением успела заметить упавшего секунду назад солдата: тот попытался подняться, но тут же был зарублен подскочившим сзади врагом. Придя в ярость, Му Юньцин взмахнула копьём влево и вправо, словно длинным хлыстом, разметав сцепившихся с ней противников, а затем послала копьё прямо в грудь одного из врагов, пробив ее насквозь.

У стоявшей на окраине поселка крестьянской усадьбы раздался женский визг. Четко расслышав его, Му Юньцин вложила ци в ноги и, оттолкнувшись от ствола дерева за глинобитной оградой, взмыла наверх. Внутри двора хромой вояка Дунху сцепился в рукопашной с местным хозяином. Мужчина одной рукой прижал захватчика коромыслом к каменному ободу колодца, а другой вцепился ему в горло. Женщина изо всех сил удерживала руку врага, в которой тот зажал саблю. Визжа от боли, варвар сбросил с себя цеплявшуюся за него крестьянку, но тут Му Юньцин перемахнула через стену и срубила врагу голову ударом клинка.

К моменту, когда Му Юньцин вышла со двора, схватка на улице уже подходила к концу — сопротивление оказывали лишь единицы.

Чжун Цзянли стоял неподалеку, стряхивая капли крови с лезвия меча.

— Очистить поле боя, пройтись с проверкой по каждому дому, живых не оставлять. Цяньвэй Инь, поди позови сюда старосту.

Закончив отдавать распоряжения, Чжун Цзянли обернулся и увидел стоящую за спиной Му Юньцин: на ее одежде почти не осталось следов крови, и лишь зажатый в руке меч всё еще капал багрянцем. Чжун Цзянли подошел ближе и тяжело опустил кулак ей на плечо:

— Я же знал, что в тебе горит горячая кровь мужа, таким и положено рваться вперед!

— У меня свои причины, откуда тебе знать, — холодно и глухо бросила Му Юньцин.

— Раз ты не говоришь, мне неоткуда знать. Вернемся в лагерь — тогда и расскажешь, глядишь, я сумею помочь тебе все уладить.

Чжун Цзянли расплылся в улыбке. Лицо его покрывали пятна крови и пыли, но улыбка излучала редкое тепло.

— Молодой генерал, староста идет.

— О, понял. Сейчас подойду. Здравствуйте, староста, давно не виделись!

— Давно не виделись, спасибо вам! Если бы не ваша Армия Динбэй... На дворе лишь начало осени, а варвары в этом году вышли на грабежи как никогда рано.

Чжун Цзянли поддержал непрестанно кланяющегося старика:

— Староста, на этой приграничной полосе осталось всего-то несколько поселков, где еще не возвели крепостные стены. Не сумев пожить в других местах, воины Дунху наверняка повалятся сюда. Последнюю стену вы еще не достроили — обязательно завершите работы до наступления холодов, иначе зимой вам придется туго.

— Ох, да-да, мы уже спешим с постройкой, вот только народу в селении и так кот наплакал, да и мужчин почти не осталось — одни сироты да вдовы, вот дело и спорится медленно. Кто ж знал, что дунхуские псы заявятся так рано.

Старик тяжело вздохнул, покачав головой.

— Так вот что, старый староста. Вернусь в лагерь — сразу пришлю отряд солдат в помощь на строительстве. Считайте это временным гарнизоном, они сумеют прикрыть вас на первое время.

Услышав это, старый староста опустился на колени.

— Низжайше благодарю вас, господин генерал! Все вы в Армии Динбэй — добрые люди!

— Поднимитесь же, старец!

После зачистки поля боя оружие убитых варваров оставили местным жителям — на северных землях каждый мужчина умел стрелять из лука. Захваченных же боевых коней воины увели обратно в город Суму.

<http://bllate.org/book/19603/1923279>